

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Коробка с секретом
Спасти Софию
Загадка похищенной картины
Преступление в поместье
Секрет механической птицы

Флёр Уичкок

Москва
2020

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
Х53

Fleur Hitchcock
THE BOY WHO FLEW

Text Copyright © Fleur Hitchcock, 2017
This translation of The Boy Who Flew is published
by arrangement with Nosy Crow ® Limited

В оформлении обложки использована иллюстрация
Виктории Тимофеевой

Хичкок, Флёр.

Х53 Секрет механической птицы / Флёр Хичкок ;
[перевод с английского М. Рыжковой, Е. Моисеевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Расследование ведут новички!).

ISBN 978-5-04-106126-5

Жизнь Атана Уайлда разрушилась в одно мгновение: найден убитым его наставник мистер Чэнь, а злая и ненавидящая всех вокруг бабуля грозит отправить Атана работать чистильщиком уборных! Мальчику нужно срочно найти возможность разбогатеть. И он решает построить летающую машину (за это обещана баснословная награда!). Её разработкой Атан занимался вместе с погибшим наставником. Но не только Атану нужна механическая птица, способная летать. Убийцы мистера Чэня преследуют мальчика и хотят выведать его секреты. Атан готов идти до конца. И не только построить летательный аппарат, но и вывести на чистую воду опасных преступников!

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

© Рыжкова М., перевод на русский язык (главы 1–8), 2020
© Моисеева Е.А., перевод на русский язык (главы 9–29), 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106126-5

ПРОЛОГ

Это вполне могло произойти. Или даже происходит прямо сейчас, в параллельной вселенной.

Представьте, что вы кружитесь над городом.

Новым, золотым, свежестроенным городом, смело тянущимся к небу от брэнной земли. Он полон людей, света и крыс, жизни и смерти.

Он живёт, он дышит. Он растёт и съёживается.

Но не весь город столь юн. В стороне от блистательного центра и общего веселья примостились старые, облезлые дома.

Посмотрите на один из них, высокий и узкий. Нефритовый дракон обвивает свечу, в гостиной горит лампа под красным абажуром, но погреб ярко освещён.

Посмотрите ещё разок. Зайдите с другой стороны, чтобы заглянуть во двор и увидеть там меня.

Там не так уж темно, в кухне горят светильники.

Наведите свою подзорную трубу на крошечные окошки.

Я внутри.

ГЛАВА 1

БАБАХ!

Гранат взрывается, и сок течёт по стене, ползёт по неровностям штукатурки и наконец стекает на плиты пола у моих ног.

— Ха! — выдаёт мистер Чэнь, стоящий рядом со мной, выделявая несколько танцевальных па. — Ха!

— Это, — говорю я, поднимая с пола маленький диск и слизывая с пальцев сладкий красный сок, — была магия, настоящая магия! Первый сорт.

Бом!

Бом!

Бом!

Бом!

Часы на колокольне церкви в конце переулка начинают бить полночь, от звона колокола стены старого дома дрожат.

Переведя дыхание, мистер Чэнь с неожиданно серьёзным видом наклоняется вперёд и осматривает машину, которая запустила диск в самое сердце граната.

— Нет, не магия, мой мальчик, не магия. Не какие-то фокусы-покусы, не придуманная суеверными людьми волшебная пыль. Это дело рук человека. Наших рук. — Старик постукивает по седой шевелюре. — И наших умных голов.

— Скорее уж вашей головы, не моей, — говорю я, беру тряпку и принимаюсь вытирать сок с каменного пола. — Вы просто гений, мистер Чэнь.

Беззвучно подойдя ко мне, мистер Чэнь осторожно накрывает мою руку своей мягкой ладонью.

— Нет, Атан, мой мальчик, я не гений, и без тебя ничего бы не вышло. Без твоих идей. Без твоих умений. Твоя заслуга в некотором роде не меньше моей. — Он сжимает мне руку. — Смотри, как много нам удалось добиться за последние полгода. — Старик оборачивается и поочерёдно трогает собран-

ные нами механизмы. Маленькие и большие, плодосъёмник для яблок, ловушка на крыс, зонтик и нож для чистки моркови, лампы, насосы и, наконец, сам двигатель. — Ты только посмотри на всё это и поверь уже наконец в себя.

Мистер Чэнь деликатно кашляет, прикрывая рот платком.

— Так вот, прежде чем отпустить тебя домой, я хочу попробовать кое-что ещё. Завтра мы никак не сможем этим заняться. Завтра воскресенье, а ты сам знаешь, как твоя мать и прочие богобоязненные люди относятся к работе в воскресенье. Но сегодня всё ещё суббота. Ступай, сними с полки электро-ящик. Он тяжёлый, сам я его не достану.

— Правда? — Я моргаю от неожиданности и чувствую, что сон как рукой сняло. — Неужели мы опробуем птицу?

— Пока нет, — улыбается мистер Чэнь, и его глаза теряются в паутинке весёлых морщинок. — Её мы будем испытывать в другой раз. Ранним утром, когда дни станут длиннее.

— Эх. — Я вытираю перепачканные соком руки о штаны и ныряю в маленький проход, ведущий из кухни в кладовку, пытаюсь скрыть

разочарование. Понимаю, на дворе давно ночь, но я-то понадеялся.

Нырнув в щель между тяжёлыми бархатными занавесями, я с головой окунаюсь в пряные запахи тесной кладовки.

Сера и имбирь.

Апельсины и уксус.

Корица и дёготь.

Я обожаю эту комнатнушку. В другом доме тут была бы обыкновенная кладовая, но в мистере Чэне нет ничего обыкновенного. То есть да, здесь хранятся мускатный орех и гвоздика, груши и окорока, но среди знакомых свёртков пестреют чудные бутылки и ящики. На некоторых из них стоит пометка — череп и кости, на других аккуратно выведены рецепты.

Пока я вытаскиваю табурет, чтобы достать до верхней полки, мой наставник возится у меня за спиной, напевает что-то под нос и расставляет бутылки по местам. Собирая волосами паутину, я тянусь к электроящику, водружённому на верхнюю полку. Он темнеет между прозрачной бутылкой с купоросным маслом и коробкой с изюмом. Ящик тяжелее, чем кажется, и мне приходится придержать его подбородком и прижать к груди, чтобы

не уронить. Я слышу, как внутри плещется жидкость.

Большой паук перебегает с ящика мне на руку, а потом через локоть перебирается на нижнюю полку. Я не решаюсь его стряхнуть, уж очень тяжёл мой груз.

— Вот, — выговариваю я через силу, передавая ящик мистеру Чэню.

Его старые пальцы с трудом удерживают ношу.

— Прекрасно, прекрасно, — говорит он и бредёт из кладовки в кухню, с громким стуком ставит ящик на стол и открывает крышку.

От резкого запаха у меня перехватывает дыхание, но старик, будто бы не замечая его, бережно вытаскивает пробку из закупоренной бутылки и доливает в недра ящика прозрачной жидкости.

— Мы почти готовы к запуску птицы, Атан, но она расположена так, что без ветра нам не обойтись, и ветер непременно должен дуть с севера. — Мистер Чэнь задумчиво смотрит перед собой. — А может, мы придумаем другой способ разогнать её как следует. Я могу поручить это тебе, — наставник одаривает меня улыбкой. — Придумай пусковой механизм для нашей птицы.

— Колёса? Лошадь? — предлагаю я, забирая у него бутылъ. — Или же мы можем дотащить её до Лэндсдауна, направить вниз по склону и разогнать, как воздушного змея. Конечно, если сможем бежать достаточно быстро и тащить её за собой.

— Может быть, — смеётся мистер Чэнь и откашливается. — Все твои идеи, мой мальчик, достойны рассмотрения, но всё зависит от того, кто или что увидит это. — Он серьёзно смотрит мне в глаза. — Мы должны беречь нашу птицу. Пойми, летающая машина может изменить жизни тысяч людей. И не обязательно к лучшему. — Он возится с металлическими пластинами внутри электрического ящика.

— Как это, не к лучшему? Летать — это в любом случае здорово!

— А что бы ты сказал, — гнёт своё мой наставник, перекладывая содержимое электрического ящика с помощью длинного пинцета, — если бы враг обрушился на тебя с небес?

— Как чайка, похищающая обед?

— Да, — смеётся он. — Как чайка, роняющая на головы свой «сюрприз», только сюрприз этот будет бомбами из серы и дёгтя,

которые подожгут городские крыши! Что ты скажешь тогда?

— Но мы ведь можем доверять нашу птицу только хорошим людям, чтобы они творили добро с её помощью.

— Именно. Вот потому-то и стоит соблюдать осторожность и не болтать лишнего.

Я слушаю, как мистер Чэнь насвистывает странную мелодию, и пытаюсь запомнить последовательность его действий. С того самого дня, как он появился в наших краях прошлой зимой, в дождливый промозглый день, со своими ящиками и бутылками, пестротой, шумом и смехом, я пытался учиться у него. До тех пор никто не умудрялся обучить меня хоть чему-либо, но мистер Чэнь — другое дело. Мне казалось, что он знает всё на свете — что, зачем и почему, правду о мире. Он сразу не понравился бабке тем, что знал больше, чем она, что умел объяснять разные явления, показывать интересные механизмы и смеялся над её суевериями.

Она пришла в ярость. Скрестила руки на груди и заявила, что он дьявол.

Но дьявол выбрал меня. Я слез с крыши прямо у него под носом, он заглянул мне в глаза и проговорил:

— Ты подойдёшь. Ты-то мне и нужен.

С того момента он загружал меня работой и неплохо платил.

— Превосходно, — бормочет мистер Чэнь, хлопнув в ладоши. — А теперь, мой мальчик, попробуем ещё разок.

— Мы же не ломаем ничего в мамином доме, правда?

Он качает головой, припоминая, как разъярилась мама в прошлый вторник, когда он разрушил курятник. Я уж думал, мама его ударит — учитывая, что она вдвое больше моего тщедушного учителя.

— Язык у неё хорошо подвешен, — смеётся он. — Но на сей раз всё должно пойти гладко, а если что-нибудь всё ж таки приключится, мы откупимся от неё бананами. Так, Атан, а теперь доставай большой двигатель.

Я открываю шкаф и, покопавшись, достаю конструкцию, состоящую из медных трубок, прикреплённых к колёсам. Она тяжёлая, но не настолько, насколько кажется, потому что внутри эта штука по большей части пустая. Я ставлю её на стол, отвинчиваю от неё стеклянную банку, которая служит нам баком с горючим, и наливаю внутрь немного про-

зрачной жидкости из просмолённого бочонка, а затем привинчиваю банку на место.

— Бананы, — тем временем говорит мистер Чэнь, сгибая кусок проволоки, — это нечто особенное, как и наука. — Он аккуратно вставляет проволоку в трубки. — Сегодня наука также отличается громкостью. Вот, заткни-ка уши.

Он протягивает мне два клочка ваты, и мы садимся на корточки за столом.

И тогда он соединяет два провода.

БАБАХ.

БАБАХ.

БАБАХ.

БАБАХ.

БАБАХ.

БАБАХ.

БАБАХ.

БАБАХ.

БАБАХ.

Двигатель стучит и грохочет, урчит и вибрирует так, что у меня чуть глаза из орбит не вылезают. Всё быстрее и быстрее, всё ровнее и равномерней его перестуки. Взрывы раздаются всё чаще и делаются всё тише, всё ритмичней, постепенно превращаясь в глухой гул.